

Тишину ночи бесцеремонно разорвал звонок с последнего урока. Окрестности Третьей школы Жунчэна тут же погрузились в привычное безумие. Жильцы соседних многоэтажек могли бы это подтвердить: от оглушительного гомона высыпавших во двор школьников в подъездах разом вспыхнули автоматические лампы, вытянувшись от первого до последнего этажа сияющей огненной змейкой.

Цао Гэнвэй с ребятами, не наевшись за ужином, решили заглянуть в школьный ларёк за лапшой быстрого приготовления. Позвали с собой и Вань Цзиньцяня, но тот вежливо отказался.

Причина была предельно проста: он чертовски устал и хотел поскорее добраться до кровати.

Сун Ян лишь горько усмехнулся про себя.

«Ещё бы не устать. После того, что случилось сегодня днём... Ну и дичь».

Проводив взглядом удаляющуюся компанию, Вань Цзиньцянь развернулся и припустил в сторону школьного медпункта.

Ведь сегодня он прилюдно избил главного героя. И пусть Цзиньцянь прекрасно понимал, что его удары едва ли причинили настоящую боль, на душе всё равно скребли кошки.

Весь вечерний класс учитель по прозвищу Картошка увлеченно распинался у доски, а Вань Цзиньцянь за своей партой места себе не находил. И дело было вовсе не в скучном уроке — он попросту не слышал ни слова. Все его мысли занимал Чжао Хаочэн.

Благодаря феноменальной памяти Цзиньцянь во всех красках вспомнил, какая участь уготовлена пушечному мясу в романе. Он помнил этот финал до мельчайших подробностей, словно когда-то заучил наизусть:

«В залитом ярким светом кабинете генерального директора отчаянно жужжал увлажнитель воздуха. Стоявший в углу засохший цветок в кадке, который уже вечность никто не поливал, нагонял уныние, идеально отражая состояние души пушечного мяса. Мужчина метался из угла в угол, то и дело нервно поглядывая на экран телефона.

Дверь со скрипом отворилась. Из полумрака прихожей шагнул человек. На нем был идеально сидящий костюм индивидуального пошива, а в лакированных туфлях отражалось его холёное, волевое лицо. Единственным следом, который оставили годы на его облике, была глубокая, зрелая уверенность.

Чжао Хаочэн с вежливой улыбкой протянул руку для рукопожатия. Его хватка была умеренно крепкой, но заставляла собеседника физически ощутить подавляющее величие — пьянящий аромат больших денег.

— Давно не виделись, Вань Цзиньцзянь, — неторопливо произнёс Чжао Хаочэн, чеканя каждое слово. Он улыбался той самой чарующей улыбкой, которая обычно предвещает смертельную опасность.

Не успел пушечное мясо придумать, как прервать эту невыносимую встречу, как тот небрежно бросил перед ним папку. На обложке значилось: „Договор о слиянии и поглощении“. От этого зрелища у него перехватило дыхание.

— Как это... — Вань Цзиньцзянь заплетыкающимся языком пытался выдавить хоть слово, разум его превратился в кашу. Наконец он сорвался на крик: — Чжао Хаочэн, у тебя вообще совесть есть?! Ты забыл, кто оплачивал твою учёбу? Корпорация Вань вырастила тебя! А теперь ты пришёл нас уничтожить? Не боишься кары небесной?!

В ответ на эту истерику Чжао Хаочэн лишь холодно усмехнулся:

— Если бы я не помнил добра, ты бы уже давно гнил в канаве, а не цеплялся за жалкие крохи жизни.

С лица его исчезла даже видимость дружелюбия. Хаочэн небрежно хлопнул в ладоши. Ассистент тут же протянул Вань Цзиньцзяню ручку.

— Подписывай, и будешь свободен, — ровным тоном велел новоявленный магнат.

Но тот лишь со злостью швырнул ручку на пол и безумно расхохотался:

— Чтобы я подписал эту дрянь? Только через мой труп!

Договорить ему не дали. Словно из-под земли выросли несколько амбалов-телохранителей. Они грубо повалили пушечное мясо на пол, прижав лицом к идеально отполированному паркету, в зеркальной глади которого отражалось всё его ничтожество и бессилие.

Чжао Хаочэн достал из папки лист с медицинским заключением и бросил его прямо перед лицом пушечного мяса.

— Твоя жена... — Хаочэн сделал выразительную паузу, смакуя каждое слово, — кажется, ждёт ребёнка. Интересно, на кого малыш будет похож больше: на отца или на мать?

С этими словами он взял со стола дротик для дартса и прицелился в распростёртое на полу пушечное мясо.

Насладившись мертвенной бледностью на лице пушечного мяса, Хаочэн равнодушно отвернулся и бросил дротик в мишень на стене. Остриё со свистом вонзилось ровно в

„яблочко“.

— Я подпишу! Подпишу! — разрыдался Вань Цзиньцзянь.

Пушечное мясо, единственный наследник великого рода, некогда высокомерный и капризный барин, теперь ползал на коленях, обливаясь слезами. Он извивался всем телом, пытаясь подобраться ближе к ногам мучителя.

— Умоляю тебя, не трогай их! Моя семья ни в чём не виновата, это всё я... Накажи меня, но их пощади!

Ассистент швырнул листы прямо в грязь перед ним, а один из охранников вложил ручку в дрожащие пальцы. Вань Цзиньцзянь, давясь слезами, вывел свою подпись.

— Отправьте его в Африку, — бросил Чжао Хаочэн с таким видом, будто заказывал чашку кофе.

— Ты... — пушечное мясо в ужасе округлило глаза.»

Эти сцены крутились в голове Вань Цзиньцзяня непрерывной кинолентой. Страшные кадры вставали перед глазами один за другим.

Уж слишком яркой была эта картина.

Цзиньцзянь совершенно не хотел закончить свои дни нищим изгоем в африканской глуши, потеряв семью и всё нажитое имущество.

Его передёрнуло от ледяного ужаса, и он припустил к медпункту ещё быстрее.

Дежурный врач в школьном медпункте откровенно скучал и то и дело зевал. Чтобы хоть как-то разогнать сонливость, он решил подняться и размяться, но стоило ему сделать шаг от стола, как в дверь кто-то с ходу влетел и врезался прямо в него.

Доктор уже открыл было рот, собираясь высказать незваному гостю всё, что думает о его умственных способностях, но, разглядев нарушителя спокойствия, мигом осёкся. Напустив на себя самое заботливое выражение лица, он расплылся в подобострастной улыбке:

— О, молодой господин Вань! Что же привело вас сюда в столь поздний час? Неужели занедужили? Присаживайтесь скорее, доктор сейчас вас осмотрит.

В этой школе не было человека, который бы не знал этого богатенького бездельника. Не ради уважения к нему самому, так ради его влиятельного отца — деньги, как известно, и мёртвого

заставят плясать.

Всё предельно цинично и просто.

«Надо же, как быстро переобулся», — мысленно хмыкнул Цзиньцянь.

Времени на политесы у него не было. Слегка запыхавшись, он отмахнулся:

— Со мной всё в порядке... Послушайте, дайте мне мазь от ушибов и растяжений. Самую лучшую и дорогую, какая у вас есть.

Словно обрёл величайшее сокровище, Вань Цзиньцянь, не скрывая довольной улыбки, зашагал в сторону общежития.

В Третьей школе действовал строгий пансионный режим. Администрация уверяла, что это помогает всесторонне контролировать учёбу и быт учеников, хотя, положив руку на сердце, интересовала их исключительно успеваемость. Армейская дисциплина, подъём по звонку, отбой по расписанию — всё ради того, чтобы родители были довольны, учителя спали спокойно, а дети прилежно зубрили материал. Полная гармония и статус образцового учебного заведения.

Над входом в жилой корпус красовался огромный кумачовый транспарант с золотыми иероглифами: «Каждый из вас — будущий лидер!»

Поднявшись на свой этаж, Вань Цзиньцянь по привычке толкнул дверь комнаты 548. Щёлкнул выключатель, заливая светом просторную спальню. Условия здесь и впрямь были отличными.

Разве что казалось слишком пусто: в отдельной душевой сиротливо ютился один-единственный набор для умывания, а из четырёх коек заправлена была лишь одна. Свежий ночной сквозняк шевелил занавеску, навевая тоску и подчёркивая его одиночество.

Просторную четырёхместную комнату Вань Цзиньцянь единолично превратил в личные апартаменты. И дело тут было в его капризах: молодой господин не терпел чужого присутствия.

Дирекция школы, разумеется, вошла в положение столь важного ученика и любезно выделила ему отдельное жильё. Всё ради комфорта подопечных и сохранения звания «Школы года».

Индивидуальный подход в действии, так сказать.

Так он и остался один на один с тремя пустыми кроватями.

Цзиньцянь вышел в коридор и направился к соседней 547-й комнате. Ещё на подходе он почувствовал густой, до боли знакомый аромат дешёвой лапши.

Говядина в остром соусе, квашеная капуста, пряная морская капуста...

Имея за плечами богатый опыт студенческой жизни в прошлом мире, он по одному запаху мог безошибочно определить марку и вкус.

Стоило ему переступить порог, как сидевшие вокруг стола парни тут же всполошились, поспешно освобождая лучшее место для своего «вожака».

— О, брат Вань заглянул!

— Присаживайся, перекуси с нами!

— Вот, только заварили, ещё не трогали даже. Угощайся!

— Спасибо, не надо, ешьте сами, — отмахнулся Вань Цзиньцянь. Оглядев комнату и не заметив главного героя, он нахмурился: — А где Чжао Хаочэн?

Цао Гэнвэй, наматывая лапшу на пластиковую вилку и усердно на неё дуя, кивнул в сторону закрытой двери:

— Да там он. — И во весь голос гаркнул: — Хаочэн! Вылезай давай, тебя брат Вань ищет!

Чжао Хаочэн в это время торопливо мылся под душем. Времени до отбоя оставалось всего ничего, и тратить драгоценные минуты на пустую болтовню с соседями он не собирался. Нужно было успеть смыть с себя дневную грязь и разобрать хотя бы пару сложных тестов по английскому.

Всё-таки удел учебных тиранов разительно отличается от беззаботных будней учебного шлага. На его кровати, помимо подушки, громоздились стопки учебников, методичек и справочников, а у изголовья был прикреплён неизменный атрибут полуночной зубрежки — компактная настольная лампа.

— Иду! — отозвался из-за двери Чжао Хаочэн. Услышав, кто его зовёт, он наспех ополоснулся, обернул бёдра полотенцем и вышел в комнату.

— Эй, — окликнул его Вань Цзиньцянь, слегка помахивая зажатым в пальцах тюбиком мази, а затем выразительно посмотрел на жующих лапшу парней.

Обстановка для конфиденциального разговора явно не подходила. И тут в голове Цзиньцяня созрел корыстный план, сулящий немалую выгоду в будущем.

— Собирай вещи. Переезжаешь ко мне в 548-ю.

У Цао Гэнвэя открылся рот от изумления.

Сун Ян вытаращил глаза от изумления.

Чжао Хаочэн замер в нерешительности.

«Что этот ублюдок задумал? Жить в одной комнате? Да он же меня там живьём сожрёт, и никто даже улики не найдёт!»

— Я... — Хаочэн лихорадочно соображал, как повежливее отказаться.

— Брат Вань, — вклинился в разговор Цао Гэнвэй, обдав его густым чесночно-мясным перегаром. — Может, лучше я к тебе подселюсь?

— Размечтался, — усмехнулся Вань Цзиньцянь. — Мне по ночам нужен личный слуга, чтобы свет в туалет носить. Пойдёшь? — Он обвёл взглядом притихшую толпу. — Или, может, кто-то из вас хочет? Да ради бога, заезжайте хоть все разом. Только предупреждаю: я во сне разговариваю, иногда луначу, а уж как храплю и зубами скрежещу — это вообще отдельная песня.

Чтобы гарантировать Чжао Хаочэну единоличное звание «счастливчика», Вань Цзиньцянь изо всех сил поливал себя грязью, придумывая самые жуткие и отвратительные привычки.

Оценив все прелести такого соседства, парни дружно закивали головами и попятились.

— Ну, Хаочэн, поздравляю. Сама судьба тебя выбрала, — хмыкнул Сун Ян с плохо скрываемым сочувствием.

— Да я... — Хаочэн обречённо вздохнул. Идти ему категорически не хотелось.

Он прекрасно понимал, что все эти байки про храп и лунатизм — лишь ширма. В реальности этот избалованный мажор наверняка устроит ему сущий ад за закрытыми дверями.

— Шевелись давай, времени в обрез, — повысил голос Цзиньцянь, напустив на себя грозный вид.

«В конце концов, кто тут школьный заправила? Я или он?» — подумал он. Раз уж назвался груздем, нужно держать марку. Настоящие хулиганы не просят дважды, они просто ставят перед фактом.

Цзиньцянь сухо кашлянул и смерил соперника тяжёлым, не обещающим ничего хорошего взглядом.

— Не заставляй меня повторять, — холодно бросил он.

Развернувшись, Цзиньцянь решительно зашагал прочь, не давая Хаочэну времени опомниться и возразить. Слишком долгие уговоры разрушили бы весь образ грозного авторитета.

На самом деле он до смерти боялся, что упрямый парень пойдёт на принцип и откажется, ведь тогда придётся лезть в драку, а этого Цзиньцянь допускать не хотел ни в коем случае.

«Проклятье, ну и жизнь пошла... Словно по лезвию бритвы хожу или танцую ча-ча-ча на натянутом канате», — уныло размышлял он.

— Ну, удачи тебе, брат, — искренне посочувствовал Цао Гэнвэй, похлопав соседа по плечу.

В коридоре вовсю бурлила обычная вечерняя суeta: школьники дурачились, носились друг за другом и громко хохотали, провожая взглядами Чжао Хаочэна, который молча паковал свои нехитрые пожитки для переезда в 548-ю.

— Ставлю сотку, что этот бедолага и трёх дней не продержится — сбежит к мамочке, — зашептались в толпе.

— Помянем парня заранее. Земля ему пухом.

— Да уж, у нашего вожака аппетиты растут. Решил лично замучить бедолагу.

<http://bllate.org/book/20139/2130659>